

Елена Арсеньева

Отрада сердца моего (Анастасия Минкина)

Часть сборника
Королева эпатажа (сборник)

Елена Арсеньева
Отрада сердца моего
(Анастасия Минкина)
Серия «Королева эпатажа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161525

Королева эпатажа: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-14364-5

Аннотация

«— Господин Талишевский, вы должны меня помнить.

— Как же, как же, господин ген... пардон, сударь, конечно, я вас припоминаю. Мы виделись два года назад по поводу госпожи Шумской, если не ошибаюсь. Тогда у вашего... так сказать, товарища по службе возникли некоторые беспокойства относительно благородного происхождения его... знакомой, да, доброй знакомой госпожи Шумской. Вашего некоторым образом коллегу обижало, что находились недоброжелатели, кои называли ее чьей-то там дочкой... конокрада? Кузнеца? Кучера? А впрочем, сие никакой роли не играет, словом, эти глупцы честили ее просто Настасьей Минкиной и нипочем не желали верить в ее дворянство. Ну что ж, нам с вами при помощи известных документов удалось переубедить общественное мнение, коему свойственно было ошибаться, и уверить его в том, что госпожа Анастасия Шумская и ее происхождение заслуживают всякого

почтения. Именно так и обстояли дела, если память мне не изменяет...»

Елена Арсеньева

Отрада сердца моего

(Анастасия Минкина)

– Господин Талишевский, вы должны меня помнить.

– Как же, как же, господин ген... пардон, сударь, конечно, я вас припоминаю. Мы виделись два года назад по поводу госпожи Шумской, если не ошибаюсь. Тогда у вашего... так сказать, товарища по службе возникли некоторые беспокойства относительно благородного происхождения его... знакомой, да, доброй знакомой госпожи Шумской. Вашего некоторым образом коллегу обижало, что находились недоброжелатели, кои называли ее чьей-то там дочкой... конокрада? Кузнеца? Кучера? А впрочем, сие никакой роли не играет, словом, эти глупцы честили ее просто Настасьей Минкиной и нипочем не желали верить в ее дворянство. Ну что ж, нам с вами при помощи известных документов удалось переубедить общественное мнение, коему свойственно было ошибаться, и уверить его в том, что госпожа Анастасия Шумская и ее происхождение заслуживают всякого почтения. Именно так и обстояли дела, если память мне не изменяет.

– Ну что ж, ваша память – верная подруга, что меня очень радует.

– А чему, господин гене... то есть, пардон, сударь, я обязан приятностию нашей новой встречи? Неужели нашлись глупцы, которые решили усомниться в благородности происхождения еще одной прекрасной дамы?

– Таковых глупцов, на счастье, не обнаружено. Другое дело, что теперь подвергается сомнению дворянское происхождение сына госпожи Шумской...

– Ах, так у нее родился ребеночек? Соболаговолите передать мои поздравления счастливой мамаше, господин гене... пардон, сударь.

– Хватит вам заикаться, Талишевский. Можете называть меня генералом или его высокоблагородием, как угодно. В любом случае, надеюсь, ни титул мой, ни имя, ни звание, ни, самое главное, суть нашего разговора не станут известны ни-какому третьему лицу. Не то гнев моего, с позволения сказать, товарища по службе будет ужасен. От вас не останется даже воспоминания!

– Понимаю, понимаю! Не надо никаких угроз, можете не сомневаться в моей преданности и надежности!

– Вы меня успокоили. Так вот, касаясь происхождения сего дитяти. Что тут можно сделать, господин Талишевский?

– По-ни-маю... Все понимаю, но... трудная задача, ваше высокоблагородие.

– Ваши труды будут оценены по достоинству.

– Пардон, конечно, за нескромность, господин генерал, однако... как бы это поизящнее выразиться... родившийся

младенец госпожи Шумской состоит в родстве с вашим, пардон, коллегой?

– О да, состоит. Причем в самом ближайшем.

– Матка Боска... Что же нам делать?!

– Что вам делать, господин Талишевский, мне совершенно ясно. Всего-навсего засвидетельствовать подлинность грамот, удостоверяющих дворянское происхождение младенца Михаила Шумского. Я уполномочен сообщить, что за свои труды вы можете назначать любой гонорар.

– Любой?!

– Любой. Разумеется, в разумных пределах.

– Ох уж эти разумные пределы! Они так грубо ограничивают свободный полет фантазии! Ну, я вижу, вы мне не оставляете никакого выбора. Я вынужден повиноваться.

– Вынуждены, Талишевский. Вынуждены!

– Хорошо. Я все сделаю. Завтра бумаги будут вполне готовы.

– Завтра?! Надеюсь, вы шутите. Бумаги нужны мне через час, чтобы немедленно покинуть этот несчастный городишко и скакать к пославшему меня лицу.

– Через час? Однако, сударь! Вы нетерпеливы, словно молодой любовник. Ну хорошо, хорошо... Но помните ваше обещание насчет *любого* гонорара.

– Напоминаю – в разумных пределах любого.

– Да, да, конечно, в самых разумных. Ну так я, с вашего позволения, приступаю к работе?

– Приступайте. Кстати, я от души надеюсь, что, когда дело будет слажено, ваша чрезмерно верная подруга по имени «память» все же изменит вам и вы начисто забудете как имена и фамилии персонажей этой истории, так и все обстоятельства, с нею связанные. Слышали меня?

– Это приказ, ваше высокоблагородие?

– Считайте, что так. Исполнить сей приказ неукоснительно – в ваших же интересах, Талишевский!

Этот опасный разговор состоялся в Слущке приблизительно в 1804 году. Персонажами его были ловкий адвокат, большой знаток польской коронной дипломатики, то есть науки о подлинности документов, и прибывший по срочному заданию из Санкт-Петербурга генерал Бухмейер, бывший доверенным лицом не кого-нибудь, а графа и генерала, военного министра Алексея Андреевича Аракчеева.

У последнего, человека, коего исторически повелось считать ортодоксом, бурбоном, солдафоном, невежей и невеждой (что характерно, в таковых его числили не только дети светлого будущего – непримиримые противники самодержавия, но и вполне благонамеренные его современники), была одна слабость, одна ахиллесова пята, которая находилась, хоть это и противно анатомии и физиологии, не где-нибудь, а в сердце. Имя этой слабости было Настя Минкина. То есть, пардон, – благородная дама Анастасия Шумская.

...Он никогда не мог забыть этого дня. Объезжал свое

Грузино, свое любимое новгородское имение, измученный душевно и физически. Государь-император Павел Петрович чуть не год назад отправил в отставку верного своего слугу, которым раньше нахвалиться не мог, которого назначил военным министром и которому даже пожаловал графский титул (с лично придуманным титулованием «Без лести предан») и командорственный орден Св. Иоанна Иерусалимского. Негодные петроградские якобинцы (их ведь везде полно, проклятых вольнодумцев, не токмо в одном Париже!) немедленно извратили девиз, произносить и писать стали его так: «Бес лести предан». А командорственный орден Алексей Андреевич, будь на то его воля, с легким бы сердцем вернул императору. Иезуиты, мальтийские рыцари – все эти любимые и опасные игрушки императора – были ему глубоко ненавистны. Кабы кто его спросил, он бы сказал, что девизом государевым должны быть три слова: «Православие, самодержавие, народность», а всякие игры с католиками до добра не доведут. Нет, не доведут! А как хорошо начинал Павел Петрович, с какой охотой вместе с ним трудился Аракчеев над исправлением тех несообразностей, кои допускала в русской армии матушка-государыня! Известно, женщина, ну что с нее взять, а армия железной руки требует. Вот Аракчеев и старался со всем усердием ради насаждения дисциплины в войсках, надзирал за ведением хозяйства в войсках, главным образом – за довольствием и опрятным содержанием нижних чинов. «Чистые казармы – здоровые казармы!» –

любил он говорить. Ну, понятно, в армии, особенно в гвардии, некоторые его требования, отнимавшие прежний дух свободы (а где свобода, там и разгильдяйство – оно известно!), вызвали и ропот, и недовольство, и непрестанные доносы императору... Конечно, Алексей Андреевич сам виноват – заступился за провинившегося брата, – но разве стоило так уж рубить сплеча и немедленно отставлять верного, воистину без лести преданного служаку? Вдобавок отставлять с запрещением бывать в столицах...

Алексей Александрович любил Грузино, очень любил. Там он навел красоту, но не безалаберную, а по милому его сердцу ранжиру, смягченному, впрочем, многими вольностями в виде пышных, буйно цветущих кустов мелких белых роз или целых лужаек, которые то голубели незабудками, то розовели клевером, и косить это пахучее разнотравье не дозволялось никому. В архитектуре имения соседствовали строгость и умеренная пышность – то есть то, что называется хорошим вкусом. Туда не стыдно было пригласить и императора, любой уголок ему показать, любым закутком похвастать!

А впрочем, было в имении некое местечко, куда хозяин даже императора бы не смог пригласить, куда вход был заказан всем, кроме самого графа и двух-трех ближних людей, которым приходилось наводить там порядок. Это был маленький павильончик, воздвигнутый на островке, насыпанном посреди искусственного озера, украшенного бледными

нению фарами. В этом павильончике граф порою давал себе отдых, разглядывая в волшебном фонаре картинки тако-ого свойства и содержания, тако-ой степени скоромности, что после сего разглядывания у него делалось учащенное сердцебиение и в мозгах сущее верчение. С помощью хитро подобранной системы зеркал и особенных механических приспособлений картинки эти приводились в движение. Зрелище было просто невероятное! Испытывая величайшее искушение воплотить деяния призрачных любовстрастников в реальность, граф порою приводил туда красивых девок, которых покупал нарочно для этого. Однако глупышки до того шалели, что вели себя бревна бревнами, и таким образом безумные фантазии Алексея Андреевича оставались невоплощенными. Он думал было, может быть, грубость и дикость простонародная мешают девкам ощущать любовное вдохновение, которое, как известно, смертных равняет с богами? Ничуть не бывало! Завел он раз себе любовницу из благородных, жену секретаря Священного Синода Пуколева. А что толку? Чуть разомкнув объятия, она принималась кланчить у любовника протекции кому-нибудь из своих знакомых и родственников, молодых офицеров. Граф постарался для нее раз и два. А затем взяло его сомнение: не слишком ли много родни у госпожи Пуколевой? Пригляделся, присмотрелся – и обнаружил, что его «лебедушка» наживается на протекциях почем зря, взятки берет непомерные за то, чтобы оказать протекцию какому-нибудь NN у всесильного

Аракчеева.

Алексей Андреевич расстался со своей мадамой без сожаления, так и не успев свозить ее в Грузино и показать павильончик на озере, и более с высокородными любовницами не являлся. И вообще он все чаще размышлял о том, что павильончик на озере построил напрасно. Ну какой в нем прок? Ни одна женщина или баба воплотить любовные графские фантазии не способна, а в одиночестве картинки смотреть – потом только и знаешь, что неумеренному рукоблудию предаешься. Рукоблудия граф не любил и стыдился...

Матушка его, Елизавета Андреевна Аракчеева, урожденная Витлицкая, не единожды веливала сыну жениться и перестать дурить (понимала небось, отчего красивые черные глаза Алексея то и дело затуманиваются печалью), а ему стоило вообразить неминуемую скуку бытия – как же может быть иначе, коли ты всю жизнь припряжен к одной и той же женщине, словно вольный скакун к тяжело груженной повозке?! – как он только головой яростно качал: ни за что! Зачем делать несчастным себя и другого человека, коли не можешь обещать ему верности и постоянства?

Однако по случайным бабам таскаться надоело хуже горькой редьки, и граф все чаще склонялся к мысли, что матушка, может статься, не так уж и не права. Опять же – детей иметь хотелось, хотя бы одного только сына...

Томимый такими мыслями, он въехал в Грузино по собственной дороге (а надобно сказать, что к его имению вели

две дороги: одна – старая, разбитая, по которой ездили все, кому придется, а другая – новая, нарочно построенная для хозяина, перекрытая от публики воротами и шлагбаумами) и увидел на обочине, ведущей к дому, двух коленопреклоненных людей: мужчину и женщину. Ну что ж, граф Аракчеев мог быть уверен, что стоять на коленях в его имении можно в каком угодно месте, не рискуя испачкаться, потому что места дороги следовало с тем же тщанием, что и полы в избах.

– Виноватые, что ли? – не здороваясь, спросил он подбегавшего комнатного лакея своего, Ивана Аникеева. – А кто такие – не узнаю.

– Нет, батюшка, не виноватые, – почтительно целуя ручку, ответил Иван. – А что не узнаете – немудрено. Пришлые отец с дочкою – просят к вашей милости в наем, прослышали, что у вас рука хоть и тяжелая, да справедливая. – Аникеев улыбнулся с развязностью барского любимца и доверенного лица. – Минкины они по прозванию, он Федор, она – Настасья. Сам Федор цыганских кровей, ну и говорит, что кузнец хороший, а также коновал. Они, цыгане, все к этому ремеслу способны.

– На что мне новый кузнец? – рявкнул Аракчеев. – У нас и свои есть. Куда больше?

Иван Аникеев словно и не слышал: хитро поглядывал исподлобья и болтал себе:

– Девка Минкина родилась от русской бабы. От вольной. Мать у ней померла, ну, Федор и забрал ее из дерев-

ни. Задрознили, сказывал, девчонку – то ведьмой, то цыганкой-чернавкой кликали. А она вовсе никакая не чернавка, дюже приглядная и собой справная...

Граф вопросительно покосился на лакея. Этому вот Ивану Аникееву не единожды приходилось выполнять для него разные поручения деликатного свойства. Именно он перевозил в лодочке на остров красоток, с которыми барин разделял созерцание волшебных волнующих картинок.

Иван многозначительно кивнул.

– Ну, что ж, – пробормотал граф. – Поглядим на твоего кузнеца. Вели-ка ты им встать, чего ж это лбами землю буровить столько времени, я, чай, не китайский император...

Первым осмелился разогнуться кузнец. При виде его заросшего черной бородой, свирепого, смуглого, густобрового да вдобавок рябоватого лица граф чуть ли не руками развел. Ну, право... какое ж потомство может родиться от такого батюшки?! Иван чего-то начудесил. Не миновать ему драну быть на конюшне за обман барина!

– Да ты подыми голову, Настя! – прикрикнул Иван. – Его сиятельство взглянуть желают.

Она послушалась – и Аракчеев чуть не ахнул громко. Ангел, да она ведь сущий ангел: тонкие черты лица, невинный взгляд, изящный поворот очаровательной головки...

Девушка была среднего роста, смуглая, полненькая, глаза имела большие и черные, полные огня, кудри смоляные... Одетая она была в черную кофту и черную же юбку, причем

из одежек этих давно выросла, они так и впивались в налитое молодой силой тело, выставляя напоказ такие волнующие формы, что у графа пересохло во рту от восторга и желания.

Он смотрел на Настасью, любовался ею – и даже заподозрить не мог, что будет находиться в этом восторженном и враз вождедеющем состоянии еще долгие годы, целую четверть века, пока Настасья будет с ним, пока она его не покинет.

Однако той же ночью он убедился, что все же не напрасно построил домик на озере. Волшебный фонарь обрел наконец достойную зрительницу!

Бог ты мой, как же она ему нравилась, сколько пылкости в нем вызывала, какие только чувства не оживляла – и давно забытые, и никогда прежде не знаемые! Девка была и впрямь – огонь, вихрь, но в то же время, когда у графа было иное настроение, – мягкий, приятный ветерок.

Вот в чем состояла ее несомненная ценность: она всегда безошибочно улавливала настроение своего прихотливого любовника и была именно той, какую он желал ее видеть. Иной раз ему казалось, что Настасья и не существует вовсе в реальности. Она была ожившая картинка из волшебного фонаря его воображения. К жизни ее вызывали графские прихоти, графская любовь – и ее любовь к нему.

Именно она помогла Алексею Андреевичу пережить за-

тянувшееся изгнание и не умереть с горя, когда он узнал об убийстве императора Павла Петровича.

Пален, Пален... Кто бы мог ждать, что Пален станет главой заговора?! Ну да, лифляндец... скользкие они, лифляндцы. Вот не расстался бы император с верным слугой своим Аракчеевым, – глядишь, был бы жив и посейчас. Ну что ж, король умер, да здравствует король, думал Алексей Андреевич, уверенный, что новый государь непременно вспомнит о нем и покличет к престолу своему. Он часто вызывал в памяти давнюю сцену, когда покойный император соединил руку сына своего с рукой Аракчеева, присовокупив к сему благословение:

– Будьте навсегда друзьями!

Однако государь Александр Павлович медлил с вызовом грузиновского изгнанника, и Аракчеев снова приуныл, думая, что, может статься, отрешившись от памяти об отце, император намерен не исполнять даже самых мало-мальских его заветов.

«Ну что ж, – думал он порою в смирении, сродным унынию, – на все воля Божия. Зато у меня есть Настасья. Все же и меня не оставил Господь без утешения!»

Отрада сердца моего, так он ее называл. Отрада сердца, не меньше!

Он бы на ней даже женился, не будь она столь подлого звания.

Подлого звания? Ежели в корень человеческого существо-

вания посмотреть, то в незапамятные времена все люди были – ровни. В те времена, «когда Адам пахал, а Ева пряла...». Потом кого-то облагодетельствовал Господь милостями своими, кого-то обделил. И пошли плодиться от первых – благородные господа, от вторых – люди подлого звания. Так уж было предопределено. Но Господь, он хоть и вездесущий, а давал временами промашку. К примеру, насчет Настасьи он ошибся, ошибся...

И граф Аракчеев однажды решил эту ошибку исправить. На помощь пришел старинный приятель генерал Бухмейер. Некогда он служил под началом Аракчеева. С его отставкою пост свой сохранил, однако, не в пример многим бывшим лизоблюдам, а нынешним гонителям, сохранил доброе расположение к Алексею Андреевичу.

Бухмейер был авантюрист чистой воды, а вот голову имел трезвую и понимал, что рано или поздно настанет час, когда император опомнится – и призовет к себе опального военного министра. И тогда Аракчеев ничего не пожалеет для тех, кто был с ним рядом в тяжелую минуту! Поэтому когда Бухмейер предложил графу Алексею Андреевичу свою помощь в некоем щекотливом, под строжайшим секретом высказанном ему деле, он действовал и в его интересах, и в собственных совершенно равным образом.

Бухмейер знал в Слуцке одного ловкача, которому грозило разоблачение его махинаций с фальшивыми родословными. Фамилия его была Талишевский. Бухмейер обещал ему

свое покровительство, если Талишевский самым срочным и самым надежным образом изготовит документы, подтверждающие родовитость и право на дворянское звание Настасьи Минкиной. Талишевский вылез из кожи вон, но задачу поставленную выполнил. Более того – к делу подошел творчески и внес некоторые коррективы. А именно: предложил изменить фамилию будущей дворянки. Якобы она была замужняя особа, получившая звание по благородному своему супругу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.